

Научная статья
УДК 008 + 316.722
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_1_32_210
EDN: WWNWTZ

Неоэгалитарный тип культуры: универсальные черты и особенности скандинавского опыта

Ирина Викторовна Малыгина^{1✉}, Тимур Орифджанович Рафиев²

¹Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

²Аспирант кафедры мировой культуры института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет. 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

¹irinamalygina@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2145-7953>

²slanchevb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4787-9740>

Аннотация. В статье предлагается новый подход к типологии культуры на основе критерия социального равенства как ценности, стратегии социокультурного развития, принципа социальной солидарности и основания идентичности. В рамках предлагаемого подхода выделяются иерархический, ацефальный, эгалитарный и неоэгалитарный типы культуры, дается их краткая характеристика. Основное внимание уделяется анализу неоэгалитарного типа культуры, предлагается его авторская интерпретация. Неоэгалитаризм обосновывается как актуальная типологическая характеристика скандинавского культурного ареала. Анализируются особенности «скандинавского кейса» как наиболее репрезентативного опыта становления неоэгалитарного типа культуры. В качестве предпосылок формирования неоэгалитарного типа культуры в рассматриваемом регионе выделяются особенности социальной и политической истории скандинавских стран, социально-экономические и религиозные факторы, повлиявшие на культурную гомогенность и специфику региона. Анализируются обычаи, традиции, социальные и политические практики, ориентированные на: ограничение власти лидера; утверждение гендерного и поколенческого равенства; легитимацию индивидуализма и экономической автономии; социальное неприятие статусного высокомерия. Акцентируется общая для современных скандинавских народов тенденция к манифестации ценности всеобщего равенства, как на уровне политической и идеологической культуры, так и в формате повседневных практик при сохраняющейся политической, экономической и других формах социальной иерархии. Данный тип культуры определяется как неоэгалитарный в сопоставлении с эгалитарными традиционными культурами. Делается вывод, что в отличие от эгалитарных традиционных культур, в которых ограничение различных форм социального неравенства и эксклюзии имеет прагматический характер, в неоэгалитарной культуре скандинавских стран манифестации ценности равенства приобретает символическое значение.

Ключевые слова: типология культуры; равенство; иерархия; эгалитаризм; неоэгалитарный тип культуры; культурные ценности; культурные практики; скандинавские культуры; «народный дом»; «общество всеобщего благосостояния»

Для цитирования: Малыгина И. В., Рафиев Т. О. Неоэгалитарный тип культуры: универсальные черты и особенности скандинавского опыта // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 210–217. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_210. <https://elibrary.ru/WWNWTZ>

Original article

Neo-egalitarian type of culture: universal features and peculiarities of scandinavian experience

Irina V. Malygina^{1✉}, Timur O. Rafiev²

¹Doctor of philosophical sciences, professor, head of the world culture department, the institute of humanities and applied sciences, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka st., 38

²Postgraduate student, the world culture department, the institute of humanities and applied sciences, Moscow state linguistic university. 119034, Moscow, Ostozhenka st., 38

¹irinamalygina@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2145-7953>

²slanchevb@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4787-9740>

Abstract. The article proposes a new approach to the typology of culture based on the criterion of social equality as a value, the strategy of social-cultural development, the principle of social solidarity and the basis of identity. The proposed approach distinguishes hierarchical, acephalous, egalitarian and neo-egalitarian types of culture and briefly characterizes them. The main attention is paid to the analysis of neo-egalitarian type of culture, and its authorial interpretation is offered. Neo-egalitarianism is substantiated as a relevant typological characteristic of scandinavian cultural area. The authors analyze the characteristics of the «Scandinavian case» as the most representative experience of forming a neo-egalitarian cultural type. The prerequisites for shaping a neo-egalitarian type of culture in the region concerned include the social and political history of scandinavian countries, social-economic and religious factors which influenced the cultural homogeneity and specificity of the region. The authors analyze customs, traditions, social and political practices oriented toward: limiting the power of the leader; asserting gender and generational equality; legitimizing individualism and economic autonomy; and social rejection of status arrogance. The focus is on the tendency common to modern nordic peoples to manifest the value of universal equality, both at the level of political and ideological culture and in the format of everyday practices, while maintaining political, economic and other forms of social hierarchy. This type of culture is defined as neo-egalitarian in comparison with egalitarian traditional cultures. The article concludes that, unlike egalitarian traditional cultures where restrictions on various forms of social inequality and exclusions are of pragmatic nature, in the nordic neo-egalitarian culture the manifestation of equality acquires a symbolic meaning.

Key words: cultural typology; equality; hierarchy; egalitarianism; neo-egalitarian type of culture; cultural values; cultural practices; nordic cultures; «Folkhemmet»; «welfare society»

For citation: Malygina I. V., Rafiev T. O. Neo-egalitarian type of culture: universal features and peculiarities of scandinavian experience. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(1):210–217. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_1_32_210. <https://elibrary.ru/WWNWTZ>

Введение

Систематизация знаний о культуре во всем многообразии ее форм и способов функционирования – одна из устойчивых проблем теоретической культурологии в целом и морфологии культуры, в частности. Вместе с тем, сложившиеся в науке представления о морфологии культуры не снимают вопроса о ее типологическом разнообразии, который до сих пор носит открытый характер. При том, что типологии культуры как с точки зрения ее внутренней структуры, так и в контексте культурных различий широко представлены зарубежными и российскими исследователями [Костина, Флиер, 2009; Флиер, 2022; Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov, 2010], до сих пор можно встретить мнение, согласно которому «проблема типологии не только не решена, но и не поставлена в культурологии» [Балакшин, Владимиров, 2022, с. 197]. Не разделяя данной позиции, отметим, что рассчитывать на создание исчерпывающей типологии едва ли возможно с учетом внутренней сложности и динамичности такого феномена как культура. Тем не менее метод типологизации, которая осуществляется по различным основаниям в соответствии с научным интересом конкретного исследователя, представляется продуктивным с точки зрения достраивания знаний и стремлением к созданию объяснительной модели функционирования культуры через взаимодополнительность ее форм и типов. Российский культуролог А. Я. Флиер, предложивший несколько различных подходов к типологизации культуры, пи-

шет по этому поводу: «Построение морфологии и социальной типологии культуры дает возможность осмыслить культуру как целостную систему» [Флиер, 2022].

В известных нам типологиях до сих пор не учитывался эгалитаризм как базовая ценность равенства, формирующая систему конвенциональных кодов и норм, манифестируемая и поддерживаемая системой культурных практик и текстов; как принцип функционирования и стратегия развития культуры; как основополагающее основание социальной солидарности и культурной идентичности. Между тем существующие в современном мире социокультурные сообщества в большей или в меньшей степени демонстрируют социальное равенство или его отсутствие. Народы, выбравшие путь эгалитаризма, придерживаются системы взаимообусловленных ценностей, которые образуют эгалитарный культурный комплекс [Рафиев, 2021] и формируют согласованную модель культуры. Поскольку выбор равенства является одной из нетипичных и даже экзотических стратегий развития культуры, реализация эгалитарных ценностей на практике отличается вариативностью и представлена в диапазоне от безусловно эгалитарных обществ до таких, в которых доминируют ценности социальной иерархии. В этой связи можно выделить четыре типа культуры:

1. Иерархический тип культуры представлен большинством культур мира независимо от формы политического устройства (от республики до монархии, от демократии до автократии). Иерархия – самый распространенный в истории культу-

ры и, вероятно, древнейший способ упорядочивания социальной жизни и достижения социального порядка [Artemova, 2020, p. 64–65, 67].

2. Ацефальный тип культуры (от греческого «κέφαλος», то есть «без головы»). К этому типу относится значительное количество культур, локализованных преимущественно в Меланезии, Амазонии, в Сибири и Канаде и ряде других мест, представленных небольшими сообществами уровня отдельных деревень. Ацефальные культуры допускают неравенство внутри группы, в том числе гендерную асимметрию. Однако наличие социальных практик ограничения власти лидера в таких культурах не позволяет создать устойчивую социальную иерархию и рождает феномен «обратной иерархии доминирования», описанный в работах Кристофера Боэма [Boehm, 1993].

3. Эгалитарный тип культуры. К условно эгалитарным с уверенностью можно отнести всего несколько культур охотников-собирателей в Африке (хадза, мбути, дзу / хоанси, г / ви, г // ана, нхаро), в Южной и Юго-Восточной Азии (палияр, бирхор, батек). По выражению О. Ю. Артемовой, «это общества, в которых все люди имеют равный доступ ко всем материальным и духовным ценностям своей культуры» [Artemova, 2020, p. 64]. Если исключить возрастную дифференциацию, статусы двух основных социальных групп – мужчин и женщин – в этих культурах характеризуются устойчивым динамическим равновесием. Выражая согласие с тезисом О. Ю. Артемовой, о том, что частичное равенство является оксюмороном, позволим себе усомниться в справедливости ее мнения о том, что нельзя «говорить о более или менее эгалитарных обществах или социальных системах, поскольку у эгалитаризма нет степеней сравнения; они есть у неравенства» [Artemova, 2020, p. 64]. Все же равенство имеет несколько измерений, для его достижения задействуется целый набор стратегий, а сам эгалитаризм предстает как комплексная задача. Например, существует равенство изначальных возможностей и равенство результирующее, и достижение положительных результатов в одном не гарантирует их в другом.

4. В связи с вышесказанным, нами предлагается включить в типологию неоэгалитарный тип культуры, при котором стратифицированное общество, имеющее сложную структуру, в то же время манифестирует эгалитарные ценности и реализует эти интенции в повседневных культурных практиках.

Под культурными практиками мы понимаем устойчиво воспроизводимые культурообуслов-

ленные модели поведения людей, обладающих определенным комплексом социальных и ментальных характеристик, или, в лексике Пьера Бурдьё «хабитусом»: «Хабитус как система predisposedностей к практике, является объективным фундаментом упорядоченного поведения < ... >. И возможность прогнозировать практики < ... > обеспечивается тем, что под действием хабитуса агенты, которые им обладают, ведут себя определенным образом в определенных обстоятельствах» [цит. по Волков, Хархордин, 2008, с. 145].

Начиная со второй половины XX века по настоящее время в целом ряде стран Северной Европы функционирует тип культуры, который мы определяем как неоэгалитарный. Между эгалитарными культурами охотников-собирателей и скандинавскими кейсами существует принципиальная разница. У первых механизмы социального выравнивания – раздача, запрет на накопление, мобильность и текучесть состава групп – приводят к фактическому равенству. Для вторых равенство – это моральный императив, допускающий, помимо существования относительно равного большинства, наличие как по-настоящему бедных, так и богатых. Равенство исходных возможностей не предполагает равенства результатов. Здесь работает правило «немедленного / отсроченного возврата» Джеймса Вудберна [Woodburn, 1982]. В обществах немедленного возврата накопление невозможно по определению. (Что, впрочем, не гарантирует им свободы от неравенства, о котором писал М. Фуко – обладающие сакральным знанием как эксклюзивным ресурсом, также наделены и властью над остальными). Однако, верно и обратное: в обществах отложенного возврата богатство может быть результатом накопления, а следовательно, источником неравенства. Поэтому в культурах неоэгалитарного типа равенство носит в значительной степени символический характер. Противоречие между эгалитарными ценностями и иерархическим устройством в них снимается за счет табуирования публичной демонстрации высокого статуса или любых его маркеров (знаменитый шведский лозунг «Lagom är bäst» (швед.) – «В меру лучше всего!»). Представленный ниже анализ имеет целью выявить детерминанты и условия, стимулирующие эгалитаристские тенденции в динамике изначальной иерархических культур и становление культур неоэгалитарного типа.

Историко-культурные предпосылки и характерные черты скандинавского неоэгалитаризма

К скандинавским странам относят Норвегию, Швецию, Данию, а также Финляндию и Исландию, на рубеже IX–X вв. заселенную норвежскими колонистами. Финляндия была частью Швеции с 1104 по 1809 гг., Исландия потеряла независимость и попала под власть Норвегии в 1262 году, Норвегия была частью Дании с 1536 по 1814 год (датско-норвежская уния), затем частью Шведского королевства с 1814 по 1905 год (шведско-норвежская уния). Еще раньше существовала Кальмарская уния (дат., норв. и швед. Kalmarunionen) – личная уния королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей (1397–1523). В результате общие черты политических систем в скандинавских странах привели к сходству социальных институтов и культурных норм, обусловив в итоге высокую степень культурной гомогенности всего региона.

Схожесть материальной культуры северогерманских племен, населявших данный ареал, прослеживается как минимум с бронзового века (скандинавский бронзовый век, 1700–500 гг. до н. э.) [Kaliff, Anders, 2001]. Ключевым событием для истории региона стало Великое переселение народов, продолжавшееся в течение II–V вв. н. э. Интенсивные миграционные процессы и военные походы привели к проникновению в Скандинавию провинциальной римской культуры и снижению уровня разнообразия местных традиций. Знаменитые археологические находки в местечках Вендель и Вальсард в Швеции, давшие название Вендельской эпохе (вторая половина VI–VIII вв.), подтверждают близость в этот период художественных традиций от Скандинавии до Восточной Англии [Хлевов, 2002]. Последовавшая затем эпоха викингов только усилила гомогенизацию культуры скандинавских стран.

Известно, что раннесредневековые скандинавские общества функционировали как военные демократии. Каждый свободный мужчина имел право носить меч и принимать участие в народном собрании – тинге. Королевская власть имела выборный характер – конунги избирались (низлагались) из представителей знати на тинге прямым голосованием всех свободных людей, а их функции были ограничены сбором налогов и военным руководством. Со временем партиципативная демократия ушла в прошлое, но устойчивость демократических институтов народных собраний (дат-

ский Фолькетинг (Folketinget), норвежский Стортинг (Stortinget), исландский Альтинг (Alþingi) оказала влияние на представления о справедливости и законе [Iversen, Frode, 2020] и формирование иных социальных и культурных практик ограничения власти лидера.

В частности, власть скандинавских королей в Средневековье эффективно ограничивалась знатью за счет принятия так называемых «Северных хартий» – письменных обещаний и клятв, принятых монархом представителям аристократии под присягой. Первой из них была хартия Нюборга, изданная королем Эриком Клиппингом 29 июля 1282 года на заседании аристократического собрания Данехоф (датский двор). В Швеции древнее собрание в пятнадцатом веке обрело сословное представительство, оформленное в парламент – риксдаг, состоявший из четырех палат: дворян, священнослужителей, бюргеров и фермеров. Без одобрения риксдага короли не могли, например, добиться повышения налогов [Sørensen, Stråth, 1997].

Начавшаяся в 1520-е годы в скандинавских странах Реформация изменила расстановку сил. К концу XVI века лютеранская церковь приняла доктрину о короле как о главном священном правителе [Løgstrup, 1984]. Однако тенденция к абсолютизму, спровоцированная данным актом, не разрушила традиционных связей между королем и крестьянством, что стало основой для развития демократических идей, привело к распространению в обществе духа корпоративности [Ka Lin, 2005, p. 728]. Как результат, уже в позднем Средневековье оформился своеобразный скандинавский политический феномен: смесь демократических традиций и глубоко укоренившегося этатизма [Ka Lin, 2005].

Лютеранская церковь выступала как контр-агент государства. Местные общины в силу бедности и дефицита ресурсов были достаточно слабы, и организацию сбора налогов, как в пользу короны, так и на местные общественные нужды брал на себя церковный приход [Sørensen, Stråth, 1997, p. 13]. С точки зрения лютеранской этики, ежедневный труд, а не индивидуальный успех, являлся залогом спасения души. Наличие такого морального императива благочестивого поведения как повседневный труд, в том числе на благо ближнего, способствовало секуляризации культуры. Именно из лютеранского секуляризма впоследствии выросла идея «народного дома» – концепция, принятая в 1932 году шведским правительством и предполагавшая сотрудничество вме-

сто классовой борьбы (*Karmodi O. Взлёт и надежде шведского социализма, 2005, <https://novynovgorod.substack.com/p/swedish-model>*) и позднее оформленная в проект welfare state – «государство всеобщего благосостояния».

Своеобразной чертой скандинавских культур было отсутствие крепостной зависимости. После отказа от института рабства как от пережитка эпохи викингов, основную массу населения северных стран составляли свободные фермеры, повлиявшие на закрепление в менталитете скандинавских народов идеалов свободы и равенства. К XVI институт фермерства был представлен тремя разновидностями: 1) фригольдеры, владевшие землей и платившие с нее налог в казну; 2) арендаторы, обрабатывавшие барщины в качестве аренды; 3) «дачники» – безземельные фермеры, владевшие собственными коттеджами и «воспитанники» или, по сути, наемные работники [Runblom, 1991].

Важно отметить, что такая категория как «воспитанники» или наемные работники носила не сословный, а, скорее, возрастной характер. Молодежь обоих полов, как правило с 14 лет и до вступления в брак, нанималась на работу в другие семьи за кров, еду и платье, но в процессе такой социализации приобретали необходимые навыки, нарабатывали важные социальные связи. После вступления в брак воспитанники становились либо фригольдерами (в случае получения наследства), либо арендаторами [Sundin, 1993]. Подобные обычаи способствовали тому, что иерархические отношения «слуга – хозяин» не получили распространения в скандинавских культурах.

Хозяйственная деятельность, как крестьян, так и рыбаков или лесорубов, была саморегулируемой, то есть не регламентировалась извне. Это способствовало формированию ценностей индивидуализма и экономической автономии. Фермерство было низкоэффективным, что не позволяло знати сколько-нибудь значительно обогащаться за счет эксплуатации крестьян [Runblom, 1991].

Согласно опросу, проведенному в Норвегии в конце XVIII века, средняя семья фригольдеров состояла из шести – восьми человек, а семья «дачников» – из четырех человек. Это, в целом, соразмерно численности крестьянских семей в других скандинавских странах и резко контрастирует с большими семьями, характерными для крестьянства, например, в соседней России или в восточной Финляндии [Sogner, 1984].

Одной из возможных причин такого положения дел являлся шведский закон, восходящий к

древней традиции первородства, согласно которому, крестьянская ферма, относящаяся к землям короны, не подлежала разделу, и у владельца юридически мог быть лишь один наследник. Остальные, по достижении им возраста наследования, переходили в категорию арендаторов или дачников. Таким образом, совместное проживание всей семьи не несло дополнительных преимуществ и редко практиковалось [Ka Lin, 2005, p. 730].

Относительно слабые семейные связи, в свою очередь, не стимулировали восприятие чистоты родословной как безусловной ценности и добрые связи стали вариантом культурной нормы. Это нашло отражение в норвежских брачных регистрах XVIII века, согласно которым почти половина невест родили первенца или до вступления в брак или, чаще, в течение первых восьми месяцев после свадьбы. Следствием этой нормы стало отсутствие авторитарных проявлений власти старших по отношению к младшему поколению, отцов к дочерям, выраженных в отношениях доминирования – подчинения.

Не менее важным условием эгалитаризма – гендерное равенство – в случае скандинавских стран также обусловлено культурным опытом народов Северной Европы. Традиционно высокий статус женщины здесь был обеспечен, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, в малолюдной, испытывавшей дефицит рабочих рук скандинавской деревне никогда не существовало запрета на выполнение женщинами работ вне домашнего хозяйства [Ka Lin, 2005, p. 733]. А во-вторых, длительное отсутствие мужчин-викингов в военных походах обеспечивало женщинам статус полноправных участников социальных отношений.

При том, что общество викингов было патриархальным, скандинавские женщины обладали политической субъектностью, нетипичной для европейского раннего средневековья. Судя по сообщениям в сагах и на «рунических» камнях, культурные практики, касающиеся института брака, наследования имущества, судебных разбирательств предполагали статус женщины как самостоятельного актора, способного влиять на результат. Так, «Сага о Греттире» повествует о том, как заступничество знатной женщины по имени Торбьёрг позволило сохранить жизнь плененному врагу [Будур, 2007, с. 50].

Традиционное право собственности предполагало, что так называемый «женский дар», то есть регламентируемый обычаем обязательный подарок жениха невесте в дальнейшем является ее не-

отчуждаемым имуществом, что, впрочем, не отменяло культурных практик противоположного свойства – приданного и выкупа за невесту [Будур, 2007, с. 45]. В вопросах брака окончательное решение оставалось за отцом как главой семьи, однако случаи принуждения к замужеству были редки. Ранние браки были нехарактерны – в большинстве случаев девушки выходили замуж по достижении двадцати лет (юноши – двадцати пяти лет) [Будур, 2007, с. 48]. Если двадцатилетняя девушка дважды получала отказ отца или опекуна на просьбу о разрешении на брак, то в третий раз, согласно обычаю, она имела право выйти замуж вопреки отцовской воле. Вдовы и девушки-сироты принимали решение о браке самостоятельно. После брачной ночи жена становилась обладательницей ключей от всех хозяйственных построек и решала большинство вопросов домашней экономики (включая труд рабов). Угроза вернуть мужу ключи означала перспективу развода, инициаторами которого женщины могли выступать наравне с мужчинами [Будур, 2007, с. 52].

Таким образом, скандинавские женщины в эпоху викингов обладали достаточно высоким статусом, что способствовало позитивной символизации «женского» в культуре скандинавских народов и закреплению гендерного равенства. При переходе к современному индустриальному обществу экономическая автономия женщин не только сохранилась, но и усилилась. И хотя в североевропейских культурах, как и везде, существовали негласные ограничения для женщин на традиционно «мужские» виды деятельности и социальные роли, именно стремление к «государству всеобщего благосостояния» выдвинуло требование гендерного равенства на первое место, а скандинавские страны оказались в числе государств-пионеров в сфере эмансипации женщин. Так, финские женщины в 1906 году первыми в Европе добились избирательных прав при выборах в парламент. В Норвегии женщины получили право голоса в 1913 году, в Швеции – в 1919. В Швеции и Финляндии раньше, чем в других странах мира произошла либерализация законодательства в области планирования семьи [Степанова, 2003, с. 206]. Вместе с тем сохранялось ограничение доступа женщин к престижному образованию и карьере и, следовательно, к равным с мужчинами доходам. Только в 70–80 гг. женщины впервые получают доступ к управлению политическими процессами. В это же время широкую популярность обретает идея позитивной дискри-

минации, принимаются законы, проводящие политику квот, в частности, во внутривыборных и парламентских выборах. Наиболее ярким можно признать шведский закон, предписывающий, что ни один пол не может быть представлен в парламенте менее чем на 40 % [Степанова, 2003, с. 212]. За последние 30 с лишним лет в скандинавских странах оформилась институциональная система, ориентированная на преодоление гендерной асимметрии: Министерство равенства и семейной политики и антидискриминационное законодательство [Степанова, 2003, с. 222].

Завершая анализ «скандинавского кейса», обратим внимание на показательную культурную особенность, сформировавшуюся под влиянием идеи равенства. Речь идет о традиции символического устранения дистанции власти, которая реализуется посредством различных культурных практик, например, иронического дискурса в отношении высокопоставленных особ, включая короля. Об одном из первых случаев такого рода упоминает генерал Жан-Батист Бернадотт в 1809 году, сам оказавшийся в подобной ситуации. Когда он принял приглашение шведского риксдага и был избран кронпринцем, Бернадотт обратился к подданным с речью по-шведски и был обижен смехом в парламенте, отреагировавшем так на его французский акцент [Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov, 2010]. Потомок Бернадотта, нынешний король Швеции Карл XVI Густав, напротив, лояльно относится к тому, что может стать объектом публичных насмешек и даже провоцирует подобные действия. Так, появление короля в 2012 году на акции в защиту животных в плюшевых оленьих рогах стало триггером флешмоба в социальных сетях, в процессе которого шведы с помощью программы photoshop «украшали» своего монарха нелепыми головными уборами (<https://izismile.com/tags/silly+hats/>). Важно отметить, что эта акция не столько носит характер критики или выражает негативное отношение к монарху, сколько воспроизводит практику сокращения «дистанции власти» и демонстрирует одну из устойчивых традиций скандинавских культур – коллективное табу на манифестацию социального неравенства (в данном случае высокого социального статуса) или любых его маркеров – материальных, символических или поведенческих.

Заключение

Резюмируя, можно сказать, что особенности воплощения ценности равенства, позволяющие охарактеризовать культуру скандинавских наро-

дов сегодня как неогалитарную, обусловлены спецификой политической истории, схожими культурными традициями и обычаями, социально-экономическими причинами, особенностями законодательства. С одной стороны, этот выбор нельзя назвать спонтанным, поскольку многие тенденции, отразившиеся в ценностной картине мира современных скандинавов, были заложены еще в прошлом. С другой стороны, культурогенез не представляет собой жестко детерминированный процесс и практики повседневности в сочетании со свободной волей участников культурного процесса раз за разом формировали пространство выбора и, в итоге, создали очень специфический скандинавский неогалитарный тип культуры. В 30-е гг. XX века возникает и артикулируется в публичном пространстве ценностный дрейф в символическую сферу эгалитаризма. Он воплотился вначале в идее «Народного дома» (Folkhemmet), а затем – «государства всеобщего благосостояния» (welfare state). Эгалитарные ценности, распространившиеся в скандинавских культурах, позволили добиться значительных успехов в области дистрибутивного равенства, гендерной политики, символического выравнивания статусов всех участников культурного процесса.

Библиографический список

1. Балакшин А. С. Типология культуры / А. С. Балакшин, А. А. Владимиров // Актуальные вопросы истории, философии и права, Петрозаводск, 10 февраля 2022 года // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2022. С. 197–201.
2. Будур Н. Повседневная жизнь викингов IX–XI века. Москва: «Молодая гвардия», 2007. 235 с.
3. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
4. Костина А. В., Флиер А. Я. Три типа культуры – три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2009. № 2 (18). С. 23–36.
5. Степанова Н. М. Политика гендерного равенства в скандинавских странах. Гендерная реконструкция политических систем. Санкт-Петербург: ИСПГ-Алетейя, 2003. С. 204–224.
6. Хлезов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII веках. Санкт-Петербург: «Евразия», 2002. 336 с.
7. Рафиев Т. О. Эгалитарные ценности в культурах хадза и шведов. Сравнительный анализ // Журнал Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки, 2021. Вып. 853. С. 246–264.

8. Флиер А. Я. Еще одна модель типологии культуры // Вестник культуры и искусств. 2017. № 1 (49). С. 51–59.

9. Флиер А. Я. Структурирование культуры по основным сферам жизнедеятельности людей (морфология культуры) // Культура культуры, 2022. № 1.

10. Artemova O. Yu. Equality as a human categorial imperative // Prehistoric Archeology. Journal of interdisciplinary studies / Учредители: Институт истории материальной культуры РАН, 2020. P. 64–91.

11. Boehm Ch. Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy [and Comments and Reply] / Harold B. Barclay, Robert Knox Dentan, Marie-Claude Dupre, Jonathan D. Hill, Susan Kent, Bruce M. Knauft, Keith F. Otterbein, Steve Rayner // Current Anthropology, 1993. Vol. 34. No. 3. P. 227–254.

12. Iversen F. Law-territories in Scandinavia: reflections of tribal coalitions / In Ehlers, Caspar & Grewe, Holger (eds.) // «Rechtsräume» Historische und archäologische Annäherungen. Vittorio Klostermann Verlag, 2020. P. 301–317.

13. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind: McGraw Hill Professional, 2010. P. 576.

14. Ka Lin. Cultural Traditions and the Scandinavian Social Policy Model // Social Policy & Administration. Nov. 2005. P. 723–739.

15. Kaliff A. Gothic Connections. Contacts between eastern Scandinavia and the southern Baltic coast 1000 BC – 500 AD // Occasional Papers in Archaeology № 26. Uppsala, 2001. P. 70.

16. Løgstrup B. The landowner as public administrator: the Danish model // Scandinavian Journal of History. 1984. No. 9. Ch. 4. P. 284–312.

17. Runblom H. et al. The Baltic Region in History // Uppsala: Uppsala University, 1991.

18. Sørensen Ø., Stråth B. Introduction. In Ø. Sørensen and B. Stråth (eds) // The Cultural Construction of Norden / Scandinavian University Press. Oslo, 1997. P. 1–24.

19. Sogner S. «A prudent wife is from the Lord»: the married peasant woman of the eighteenth century in a demographic perspective // Scandinavian Journal of History. 1984. No. 9, Ch. 2. P. 113–133.

20. Sundin J. Worlds we have lost and worlds we may regain: two centuries of changes in the life course in Sweden, History of the Family. 1993. No. 4, Ch. 1. P. 93–112.

21. Woodburn J. Egalitarian Societies // Man, New Series. Vol. 17, No. 3. 1982. P. 431–451.

Reference list

1. Balakshin A. S. Tipologija kul'tury = Typology of culture / A. S. Balakshin, A. A. Vladimirov // Aktual'nye voprosy istorii, filosofii i prava, Petrozavodsk, 10 fevralja 2022 goda // Sbornik statej VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva «Novaja Nauka», 2022. S. 197–201.

2. Budur N. Povsednevnaia zhizn' vikingov IX–XI veka = Everyday life of the Vikings of the IX-XI centuries. Moskva : «Molodaja gvardija», 2007. 235 s.

3. Volkov V. V., Harhordin O. V. Teorija praktik = Practice Theory. Sankt-Peterburg : Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. 298 s.

4. Kostina A. V., Flier A. Ja. Tri tipa kul'tury – tri funkcional'nye strategii zhiznedejatel'nosti = Three types of culture – three functional life strategies // Vestnik Cheljabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv, 2009. № 2 (18). S. 23–36.

5. Stepanova N. M. Politika gendernogo ravenstva v skandinavskih stranah. Gendernaja rekonstrukcija politicheskikh sistem = Gender equality policy in Scandinavian countries. Gender reconstruction of political systems. Sankt-Peterburg : ISPG- Aleteja, 2003. S. 204–224.

6. Hlevov A. A. Predvestniki vikingov. Severnaja Evropa v I–VIII vekah = Forerunners of the Vikings. Northern Europe in the I-VIII centuries. Sankt-Peterburg : «Evrazija», 2002. 336 s.

7. Rafiev T. O. Jegalitarnye cennosti v kul'turah hadza i shvedov. Sravnitel'nyj analiz = Egalitarian values in Hadza and Swedish cultures. A comparative analysis // Zhurnal Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki, 2021. Vyp. 853. S. 246–264.

8. Flier A. Ja. Eshhe odna model' tipologii kul'tury = Another model of cultural typology // Vestnik kul'tury i iskusstv. 2017. № 1 (49). S. 51–59.

9. Flier A. Ja. Strukturirovanie kul'tury po osnovnym sferam zhiznedejatel'nosti ljudej (morfologija kul'tury) = Structuring culture by the main spheres of human activity (morphology of culture) // Kul'tura kul'tury, 2022. № 1.

10. Artemova O. Yu. Equality as a human categorial imperative // Prehistoric Archeology. Journal of interdisciplinary studies / Uchrediteli : Institut istorii material'noj kul'tury RAN, 2020. R. 64–91.

11. Boehm Ch. Egalitarian Behavior and Reverse Dominance Hierarchy [and Comments and Reply] / Har-

old B. Barclay, Robert Knox Dentan, Marie-Claude Dupre, Jonathan D. Hill, Susan Kent, Bruce M. Knauft, Keith F. Otterbein, Steve Rayner // Current Anthropology, 1993. Vol. 34. No. 3. P. 227–254.

12. Iversen F. Law-territories in Scandinavia: reflections of tribal coalitions / In Ehlers, Caspar & Grewe, Holger (eds.) // «Rechtsräume» Historische und archäologische Annäherungen. Vittorio Klostermann Verlag, 2020. P. 301–317.

13. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind: McGraw Hill Professional, 2010. P. 576.

14. Ka Lin. Cultural Traditions and the Scandinavian Social Policy Model // Social Policy & Administration. Nov. 2005. P. 723–739.

15. Kaliff A. Gothic Connections. Contacts between eastern Scandinavia and the southern Baltic coast 1000 BC – 500 AD // Occasional Papers in Archaeology № 26. Uppsala, 2001. P. 70.

16. Løgstrup B. The landowner as public administrator: the Danish model // Scandinavian Journal of History. 1984. No. 9. Ch. 4. P. 284–312.

17. Runblom H. et al. The Baltic Region in History // Uppsala: Uppsala University, 1991.

18. Sørensen Ø., Stråth B. Introduction. In Ø. Sørensen and B. Stråth (eds) // The Cultural Construction of Norden / Scandinavian University Press. Oslo, 1997. P. 1–24.

19. Sogner S. «A prudent wife is from the Lord»: the married peasant woman of the eighteenth century in a demographic perspective // Scandinavian Journal of History. 1984. No. 9, Ch. 2. P. 113–133.

20. Sundin J. Worlds we have lost and worlds we may regain: two centuries of changes in the life course in Sweden, History of the Family. 1993. No. 4, Ch. 1. P. 93–112.

21. Woodburn J. Egalitarian Societies // Man, New Series. Vol. 17, No. 3. 1982. P. 431–451.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted on 15.12.2022; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication on 16.02.2023.